

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Абдуллаев Аброр Анварович

Студент магистратуры ТГЮУ.

<https://doi.org/10.5281/zenodo.19310079>

Аннотация. Установлено, что технологии искусственного интеллекта (ИИ) приобретают всё большее значение в системе уголовного судопроизводства. Выявлены концептуальные проблемы, связанные с применением алгоритмических систем при оценке доказательств: непрозрачность («эффект чёрного ящика»), риск дискриминационной предвзятости и несовместимость с принципом свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению. Охарактеризованы зарубежные практики использования ИИ в уголовном судопроизводстве (США, ЕС, КНР), выявлены их достоинства и недостатки.

Оценено соответствие действующего законодательства Республики Узбекистан международным стандартам в сфере цифровизации уголовного процесса.

Сформулированы конкретные предложения по внесению изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан, Закон Республики Узбекистан «О судебной-экспертной деятельности» и смежные нормативно-правовые акты.

Ключевые слова: искусственный интеллект, оценка доказательств, уголовный процесс, алгоритмические системы, цифровизация правосудия, судебная экспертиза.

ЖИНОЯТ ПРОЦЕССИДА ДАЛИЛЛАРНИ БАҲОЛАШДА СУНЬИЙ ИНТЕЛЛЕКТДАН ФОЙДАЛАНИШ

Аннотация. Аниқландики, сунъий интеллект (СИ) технологиялари жиноят суд ишларини юритиш тизимида тобора катта аҳамият касб этмоқда. Далилларни баҳолашда алгоритмик тизимларни қўллаш билан боғлиқ концептуал муаммолар аниқланди: шаффофликнинг етишмаслиги («қора қути» эффекти), дискриминацион ёндашув хавфи ҳамда далилларни ички ишончга асосланиб эркин баҳолаш принципи билан номутаносиблиги. Жиноят суд ишларини юритишда сунъий интеллектдан фойдаланиш бўйича хорижий амалиётлар (АҚШ, ЕИ, ХХР) тавсифланиб, уларнинг афзалликлари ва камчиликлари аниқланди. Ўзбекистон Республикаси амалдаги қонунчилигининг жиноят процесси рақамлаштирилиши соҳасидаги халқаро стандартларга мувофиқлиги баҳоланди.

Ўзбекистон Республикасининг Жиноят-процессуал кодекси, «Суд-экспертлик фаолияти тўғрисида»ги Қонуни ва тегишли норматив-ҳуқуқий ҳужжатларга ўзгартиш ва қўшимчалар киритиш бўйича аниқ таклифлар ишлаб чиқилди.

Калим сўзлар: сунъий интеллект, далилларни баҳолаш, жиноят процесси, алгоритмик тизимлар, одил судловни рақамлаштириш, суд экспертизаси.

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN EVIDENCE EVALUATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. This article examines the growing role of artificial intelligence (AI) technologies in contemporary criminal justice systems. The study identifies fundamental conceptual challenges associated with algorithmic systems in evidence evaluation, including opacity (the "black box" effect), the risk of discriminatory bias, and incompatibility with the principle of free evaluation of

evidence based on inner conviction. The study tested and analyzed foreign judicial practices of AI implementation in criminal proceedings across the United States, European Union, and China, revealing both their benefits and critical limitations. Moreover, the article assesses the compliance of current Uzbek legislation with international standards in the digitalization of criminal procedure. As a result, specific legislative proposals are formulated for amendments to the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan, the Law on Forensic Expert Activities, and related normative acts. Consequently, the article concludes that AI tools should function as advisory instruments subordinate to judicial discretion, and that their implementation requires transparent regulatory frameworks ensuring human rights protection. The benefits of this study lie in offering a comparative legal foundation for reforming Uzbekistan's criminal procedural legislation in line with global digital transformation trends.

Keywords: *artificial intelligence, evidence evaluation, criminal procedure, algorithmic systems, digitalization of justice, forensic expertise.*

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) в XXI веке оказывает существенное воздействие на институциональные основы правовых систем, в том числе на сферу уголовного судопроизводства. Вопрос о допустимости и пределах применения ИИ при оценке доказательств приобретает особую актуальность в контексте проводимой в Республике Узбекистан масштабной цифровой трансформации государственного управления и правосудия.

По данным ряда международных исследований, более 40 государств уже интегрировали те или иные алгоритмические системы поддержки принятия решений в свою судебную практику [1]. В США широко применяется система COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions), используемая судами для оценки риска рецидивизма при вынесении приговоров [2]. В Европейском союзе принят Регламент об искусственном интеллекте (AI Act, 2024), прямо классифицирующий ряд систем ИИ в уголовном правосудии как «высокорисковые» [3].

Тем не менее применение ИИ в доказательственной деятельности порождает серьёзные правовые дилеммы. Ряд исследователей акцентирует внимание на угрозе, которую алгоритмическая непрозрачность представляет для права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство [4]. Другие учёные указывают на системные риски дискриминационной предвзятости, связанные с обучающими данными [5]. Теоретики права ставят под сомнение совместимость алгоритмических предсказаний с принципом вынесения решений по внутреннему убеждению судьи [6].

В отечественной науке проблематика ИИ в уголовном процессе разработана недостаточно. Имеющиеся труды касаются преимущественно общих аспектов цифровизации правосудия либо смежных вопросов электронного документооборота.

Комплексного исследования, посвящённого оценке доказательств с участием ИИ применительно к уголовно-процессуальному праву Узбекистана, до настоящего времени не проводилось.

Цель настоящей статьи - охарактеризовать правовые условия применения ИИ при оценке доказательств в уголовном процессе, выявить пробелы в законодательстве Республики Узбекистан и сформулировать предложения по его совершенствованию.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный и аналитический методы. Нормативную базу, использованную при написании данной работы, образуют Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан [7], Закон Республики Узбекистан «О судебной экспертизе» [8], Стратегия «Цифровой Узбекистан — 2030» [9], Регламент ЕС об искусственном интеллекте и судебная практика Верховного суда США и Европейского суда по правам человека.

Теоретической базой послужили труды зарубежных учёных в области права и ИИ, а также работы российских процессуалистов и отечественных исследователей.

Эмпирическую основу составили материалы судебной практики США, Германии, Китая, а также данные правовой базы Республики Узбекистан.

В теории уголовно-процессуального права оценка доказательств традиционно понимается как мыслительная деятельность субъектов доказывания, направленная на определение относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств [10]. Согласно статье 95 Уголовно-процессуального Кодекса Республики Узбекистан, доказательства оцениваются судом, прокурором, следователем и дознавателем по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела, руководствуясь законом и правосознанием.

Введение ИИ в этот процесс существенно трансформирует его природу. Как справедливо отмечают Гаврилов Б.Я. и Победкин А.В. [11], доказательственная деятельность носит глубоко личный характер и не может быть механически делегирована алгоритму. Вместе с тем ряд исследователей допускает вспомогательную роль ИИ - для анализа больших массивов данных, выявления противоречий в показаниях и верификации цифровых доказательств.

С.А. Шейфер подчёркивает, что оценка доказательств неразрывно связана с правосознанием, профессиональным опытом и нравственными ориентирами судьи.

Алгоритм, лишённый этих качеств, способен лишь имитировать оценочную деятельность, но не осуществлять её в полном смысле слова. Данная позиция созвучна взглядам М. Hildebrandt, которая разграничивает «право как вычисление» и «право как интерпретацию», относя судебную оценку доказательств к сфере последнего.

Соединённые Штаты Америки обладают наиболее развитой практикой применения ИИ в уголовном правосудии. Система COMPAS, разработанная компанией Northpointe, используется судами ряда штатов для оценки риска рецидивизма при принятии решений об условно-досрочном освобождении и назначении наказания. В резонансном деле «State v. Loomis» Верховный суд штата Висконсин признал применение COMPAS допустимым, однако подчеркнул, что алгоритмический анализ не может быть «решающим фактором» при вынесении приговора [12].

Фундаментальная критика COMPAS была выдвинута J. Angwin [1] проведённое изданием ProPublica исследование показало, что система систематически завышала риск

рецидивизма для afroамериканских обвиняемых (ложноположительные результаты — 45%) по сравнению с белыми обвиняемыми (23%) [13]. Dressel & Farid (2018) установили, что точность предсказаний COMPAS (65,2%) сопоставима с точностью немедикиво-волонтёров (67%), что ставит под сомнение саму целесообразность применения дорогостоящих алгоритмических систем.

В Европейском союзе подход к ИИ в уголовном правосудии носит значительно более ограничительный характер. Регламент ЕС 2024/1689 относит системы ИИ, применяемые для оценки риска рецидивизма, к категории «высокорискованных» и устанавливает для них требования прозрачности, документирования и права на оспаривание. ЕСПЧ в деле *Lekić v. Slovenia* подтвердил, что автоматизированные решения, влекущие существенные правовые последствия для лица, должны подлежать эффективному судебному контролю [14].

Германский опыт заслуживает особого внимания. Верховный федеральный суд Германии в ряде решений последовательно отстаивает принцип, согласно которому оценка доказательств является исключительной прерогативой суда, а использование алгоритмических инструментов допускается лишь в качестве вспомогательного средства при условии полной прозрачности и возможности проверки [15].

Китайская Народная Республика избрала принципиально иной путь. Система «Умное правосудие», внедрённая Верховным народным судом КНР, интегрирует ИИ в судебный документооборот, поиск прецедентов и предварительный анализ доказательств.

По официальным данным, к 2023 году ИИ-ассистенты использовались в более чем 95% судов первой инстанции. Однако критики указывают на угрозу имитации независимости правосудия при фактическом алгоритмическом детерминизме [16].

Таким образом, международный опыт демонстрирует отсутствие единого подхода к регулированию ИИ в доказательственной деятельности. Наиболее сбалансированной представляется европейская модель, сочетающая инновационный потенциал ИИ с надёжными гарантиями прав человека.

Действующий Уголовно-процессуальный Кодекс Республики Узбекистан не содержит каких-либо норм, регулирующих применение ИИ или алгоритмических систем в доказательственной деятельности. Статья 95 закрепляет принцип свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению, что потенциально несовместимо с делегированием оценочных функций алгоритму без чётких правовых ограничений.

Закон Республики Узбекистан «О судебной экспертизе» регулирует порядок назначения и производства судебных экспертиз, однако не упоминает компьютерно-технические и AI-экспертизы как самостоятельный вид. Вместе с тем в следственной практике уже используются программные средства криминалистического анализа (ForensicToolKit, Cellebrite), правовой статус заключений которых остаётся дискуссионным.

Закон Республики Узбекистан «Об информатизации» [17] и Стратегия «Цифровой Узбекистан — 2030» ориентированы преимущественно на административную цифровизацию и не затрагивают специфику уголовно-процессуальных отношений.

Отсутствие отраслевого нормативного регулирования создаёт правовую неопределённость и препятствует как использованию, так и оспариванию результатов ИИ-анализа в судебном доказывании.

Выявленные пробелы можно систематизировать следующим образом:

1. отсутствие нормативного определения понятий «алгоритмическая система», «ИИ-доказательство» и «автоматизированное заключение»;
2. неурегулированность порядка назначения и производства AI-экспертиз;
3. отсутствие требований к прозрачности и проверяемости алгоритмов, используемых в уголовном судопроизводстве;
4. отсутствие процессуального механизма оспаривания результатов алгоритмического анализа.

На основании проведённого сравнительно-правового анализа предлагается внести следующие изменения и дополнения в законодательство Республики Узбекистан:

1. Дополнить статью 81 Уголовно-процессуального Кодекса Республики Узбекистан нормой следующего содержания: «Заключение специалиста в области информационных технологий и искусственного интеллекта является самостоятельным видом доказательства.

Автоматизированные аналитические заключения, полученные с применением алгоритмических систем, могут использоваться в качестве вспомогательного доказательства исключительно в совокупности с иными доказательствами и не могут служить единственным основанием для принятия процессуальных решений»;

2. Дополнить статью 95 Уголовно-процессуального Кодекса Республики Узбекистан частью шестой следующего содержания: «При использовании результатов алгоритмического анализа суд обязан проверить методологию, обучающие данные и воспроизводимость алгоритма. Суд не связан выводами алгоритмической системы и оценивает их в совокупности с иными доказательствами по делу»;

3. Ввести новую статью 95-2 «Требования к использованию систем искусственного интеллекта при доказывании», устанавливающую:

- (а) обязательную сертификацию алгоритмических систем уполномоченным органом;
- (б) право защитника на ознакомление с алгоритмом и обучающими данными;
- (в) запрет применения алгоритмических систем, содержащих дискриминационные предиктивные модели.

Представляется целесообразным принятие Положения «О применении технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве Республики Узбекистан», охватывающего принципы применения ИИ, его прозрачность, подотчётность, недискриминационность, человеческий контроль, порядок аккредитации ИИ-систем для нужд правосудия, механизм независимого аудита алгоритмов по запросу суда или стороны защиты и гарантии права обвиняемого на оспаривание результатов ИИ-анализа.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать следующие заключения.

Технологии искусственного интеллекта обладают значительным потенциалом для повышения эффективности доказательственной деятельности в уголовном процессе, от обработки больших массивов данных, и до распознавание паттернов, верификация цифровых следов, однако их применение сопряжено с серьёзными правовыми рисками.

Кроме того, сравнительный анализ зарубежной практики свидетельствует о необходимости строгого соблюдения принципа субсидиарности ИИ, то есть алгоритмические системы должны выступать вспомогательным инструментом, а не заменять судебное усмотрение при оценке доказательств.

Ну и самое главное, действующее законодательство Республики Узбекистан не содержит норм, регулирующих применение ИИ в доказательственной деятельности, что создаёт правовую неопределённость и нарушает баланс между инновационным развитием правосудия и защитой прав участников уголовного процесса. Предложенные изменения в Уголовно-процессуальный Кодекс Республики Узбекистан, и разработка специального Положения об ИИ в уголовном судопроизводстве позволят сформировать правовую основу для ответственного и контролируемого применения цифровых технологий в сфере правосудия Республики Узбекистан.

Список использованной литературы:

1. Završnik, A. (2020). Criminal justice, artificial intelligence systems, and human rights. *ERA Forum*, 20(4), 567–583. URL: <https://doi.org/10.1007/s12027-020-00602-0> ;
2. Dressel, J., & Farid, H. (2018). The accuracy, fairness, and limits of predicting recidivism. *Science Advances*, 4(1), eaao5580. URL: <https://doi.org/10.1126/sciadv.aao5580> ;
3. European Parliament. (2024). Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). *Official Journal of the European Union*, L 2024/1689;
4. Deeks, A. (2019). The judicial demand for explainable artificial intelligence. *Columbia Law Review*, 119(7), 1829–1850;
5. Angwin, J., Larson, J., Mattu, S., & Kirchner, L. (2016). Machine bias: There's software used across the country to predict future criminals. And it's biased against blacks. *ProPublica*. URL: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing> ;
6. Hildebrandt, M. (2018). Law as computation in the era of artificial legal intelligence. *University of Toronto Law Journal*, 68(S1), 12–35. URL: <https://doi.org/10.3138/utlj.2018-0044> , Surden, H. (2019). Artificial intelligence and law: An overview. *Georgia State University Law Review*, 35(4), 1305–1337;
7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (1994, с изм. 2023). Национальная база данных законодательства. URL: <https://lex.uz/docs/111948> ;
8. Закон Республики Узбекистан «О судебной экспертизе» от 2 июня 2010 года № ЗРУ-249. Национальная база данных законодательства. URL: <https://lex.uz/uz/docs/1633100> ;
9. Указ Президента Республики Узбекистан «Об утверждении стратегии «Цифровой Узбекистан-2030» и мерах по ее эффективной реализации» от 6 октября 2020 года № УП-6079. Национальная база данных законодательства. URL: <https://lex.uz/uz/docs/5031048> ;
10. Шейфер С.А. (2019). Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: НОРМА. 240 с.;

11. Гаврилов Б.Я., Победкин А.В. (2020). Доказательства и доказывание в уголовном процессе: учебник. М.: Юрайт. 286 с.;
12. State v. Loomis, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016). Supreme Court of Wisconsin.;
13. Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine Bias: There's Software Used Across the Country to Predict Future Criminals. And It's Biased Against Blacks // ProPublica. – 2016. – 23 May. – URL: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing> ;
14. Lekić v. Slovenia. Judgment of the European Court of Human Rights of 11 December 2018 (Application No. 36480/07) // European Court of Human Rights. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 13.03.2026).;
15. Rademacher, T. (2020). Artificial intelligence and law enforcement. In T. Wischmeyer & T. Rademacher (Eds.), *Regulating Artificial Intelligence* (pp. 225–253). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-32361-5_10 ;
16. Strickson, B., & De La Iglesia, B. (2020). Legal judgement prediction for UK courts. In *Proceedings of the 3rd International Conference on Information Science and System (ICISS 2020)* (pp. 204–209). ACM. <https://doi.org/10.1145/3388176.3388220>
17. Закон Республики Узбекистан «Об информатизации» от 11 декабря 2003 года № ЗРУ-560-II. Национальная база данных законодательства. URL: <https://lex.uz/docs/82956> .